

I. Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (8)

Александр Янов

Агония бешеного национализма: распад российского патерналистского мифа в XX веке*

«Даже самые великие политические успехи наши
и в Азии и в Европе таят в себе нечто трагическое и жестокое...
Не повторяем ли мы в новой форме историю старого Рима?
Но разница в том, что под его подданством родился Христос,
под нашим скорее родится антихрист.»
Константин Леонтьев

«В Англии нет антисемитизма просто потому,
что англичане не считают евреев умнее себя.»
Уинстон Черчилль

Мы попытаемся в этой статье, которая одновременно является заключительной главой трилогии *Россия и Европа. 1462-1921*, найти ответ на одну из величайших загадок современной истории. Загадка эта, разумеется, не в том, почему практически без выстрела рухнула в одночасье в 1917 году четырехсотлетняя российская империя. В конце концов, развалились, не выдержав напряжения мировой войны, и соседние, даже более древние континентальные империи – Оттоманская и Австрийская. Вопрос в другом: почему их имперская история на этом и завершилась, тогда как в России агония средневековья затянулась еще почти на столетие? Почему, в отличие от Турции и Австрии, не научил её опыт Катастрофы и осталась она после 1917-го такой же кнутобойной милитаристской империей, какой была до него?

Более того, повинувшись велению терзавшего её фантомного наполеоновского комплекса, Россия, как мы знаем, опять устремила к тому же губительному для нее сверхдержавному статусу, который однажды погубил – на глазах, можно сказать, ее новых лидеров – постниколаевскую империю. И даже добилась на этот

* Последняя глава книги *Драма патриотизма в России. 1855-1921* (= *Россия и Европа. 1462-1921*. В 3 тт. Т. 3. М.: Новый Хронограф, 2009).

раз гигантских территориальных «дополнений», напроороченных ей Тютчевым¹, Данилевским² и Шараповым³. Нет, конечно, не прошли и после того, как она в очередной раз «встала с колен» границы царства русского по Гангу и Ефрату, как было завещано. Но Восточную Европу, славянскую и неславянскую, «со свежим населением» в 111 миллионов душ проглотить она все же умудрилась, не поперхнувшись. Пусть и не стала советская Россия той, единственной и «первой в мире», о какой мечтали накануне Катастрофы её бешеные националисты, но все-таки оказалась она способна снова, как при Николае I, противопоставить себя человечеству. И все лишь затем, чтобы три поколения спустя, не выдержав напряжения еще одного мирового конфликта, снова рухнуть в одночасье и практически без выстрела? Точно так же, как в 1917-м? Так зачем же, спрашивается, было калечить еще три поколения живых – и родных притом – душ?

Вопрос, однако, остается: как удалось России то, что не удалось соседним империям? И почему? Это судьбоносные, согласитесь, для будущего России вопросы. Первостепенно важны они и для её соседей, и в конечном счете для мира в целом. Ибо если наполеоновский комплекс России действительно неизлечим и её очередная попытка «присоединиться к миру», говоря словами Чаадаева, в 1989-2002-м была всего лишь, пусть и затянувшимся по сравнению с тем, что произошло с февраля по октябрь 1917, но все-таки коротким в масштабах истории интермеццо в вековой имперской симфонии, то «холодная война» на самом деле и не кончилась вовсе. И противостоянию России с миром предстоит возобновиться, как, собственно, и мечтают ее сегодняшние бешеные националисты, наследники Шарапова и Данилевского.

Я исхожу из точки зрения противоположной. Из того, что присутствуем мы сегодня при агонии русского средневековья, сохранявшегося все эти столетия благодаря обстоятельствам исторически неповторимым. Из того, короче говоря, что перед нами сегодня и впрямь интермеццо, но интермеццо агонии. Эта статья посвящена описанию своего рода репетиции такой агонии – после крушения первой империи. Как увидит читатель, проходила она тяжело, порою страшно. Но при всём том имели мы и тогда уже дело не с возрождением вековой «политической мутации», но с её последней жестокой спазмой. Нет, не суждено было России родить антихриста, как опасался Леонтьев – в еще одном знаменитом пророчестве, вынесенном в эпиграф этой статьи. Сперва, однако, придётся нам все-таки попытаться объяснить, благодаря каким историческим обстоятельствам не рухнула после первой мировой войны, в отличие от соседних континентальных империй, и Российская. А также почему оказалась ее советская эпопея лишь отложенным неизбежным финалом.

¹ Tjutschew F. *Russland und der Westen: Politische Aufsätze* / Ed. M. Harms. Berlin, 1992.

² MacMaster R.E. *Danilevsky: A Russian Totalitarian Philosopher*. Cambridge, Mass., 1967.

³ Суслов М. Кризис мессианства и вопрос о будущем России во взглядах Сергея Шарапова (1855-1911) // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. 2011. № 1. С. 40-48.

Энтузиасты реставрации

Не спрашивайте об этом, впрочем, сегодняшних бешеных националистов. Для них никакой загадки тут нет. Как и их предшественники после краха первой империи, они совершенно убеждены, что виною всему происки врагов России. Постаралась «пятая колонна» внутри страны – вкупе, конечно, с врагами внешними. Одни склоняются к тому, что главную роль здесь сыграли предатели, будь то либералы, как уверен кающийся либерал Михаил Леонтьев, или масоны, которых решительно проталкивал на эту роль Вадим Кожин, или и вовсе жидомасоны, как настойчиво убеждает нас Михаил Назаров. Александр Проханов⁴, однако, затрудняется определить, какой именно категории предателей отдать пальму первенства в разрушении российских империй (поскольку уверен, что прародительницей России была чуть ли не Вавилонская империя, то насчитывает он не две, а четыре таких крушения). Хоть и клеймит он позором «предателей Горбачева и Ельцина» и вообще всяких «мстительных карликов» и «улюлюкающих лилипутов», но все-таки склоняется к тому, что больше виноваты их западные хозяева. Геополитик и конспиролог Александр Дугин⁵ тем более не сомневается, что злодеи – американцы. Ибо в качестве ведущих «талассократов» они жизненно заинтересованы в разрушении самой могущественной в мире «теллуократии» (под этими вычурными терминами фигурируют у Дугина традиционные для всякого манихейства Зло и Добро).

Так или иначе, всё это нисколько не мешает упомянутым выше пропагандистам энергично добиваться реставрации империи - третьей по общепризнанному счету и пятой по прохановскому. Проблема здесь, как понимает читатель, только одна: крах каждой империи неминуемо связан с национальной катастрофой. Соответственно приносит он народу неизмеримые бедствия, в некоторых случаях даже кровавые гражданские войны, в которых, бывало, брат шел на брата и сын на отца. Как же, спрашивается, следует нам относиться к тем, кто в здравом уме и твердой памяти желает своему народу еще одну такую беду? Заранее ведь ясно, что, исполнись заветная мечта энтузиастов новой империи, и в ней непременно заведутся свои «мстительные карлики», не говоря уже об «улюлюкающих лилипутах», назови их хоть либералами, хоть жидомасонами. И «талассократы» на Западе тоже ведь не дремлют. А вместе они с такой же неотвратимостью обрушат

⁴ Simonsen S.G. Aleksandr Prokhanov: The Last Soldier of the Empire // idem. Politics and Personalities: Key Actors in the Russian Opposition. Oslo, 1996. P. 91-108.

⁵ Shekhovtsov A. The Palingenic Thrust of Russian Neo-Eurasianism: Ideas of Rebirth in Aleksandr Dugin's Worldview // Totalitarian Movements and Political Religions. 2008. Vol. 9. No. 4. P. 491-506; Видеркер Ш. «Континент Евразия»: классическое евразийство и геополитика в изложении Александра Дугина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 1. С. 5-14; Ингрэм А. Геополитика и неофашизм Александра Дугина в контексте постсоветской России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 2. С. 7-33.

новую империю, как обрушили старые. И повторится все сначала: и бедствия народные, и, не дай Бог, гражданская война – и поиски новых «предателей»...

Борис Никольский, самый блестящий из интеллектуалов последнего предреволюционного поколения имперских националистов, понял это еще в 1918 году. «На реставрацию не надеюсь», – писал он тогда, – «Страшно то, что происходит, но реставрация была бы еще страшнее»⁶. Так ли уж, право, мало двух (и тем более четырех, если послушать Проханова) разрушительных взмахов русского «маятника», чтобы усвоить простую истину, что нежизнеспособны, обречены на вымирание в современном мире имперские ихтиозавры? И попытки их реставрировать равносильны тому, чтобы вернуть допотопные времена?

Без «запасного пути»

Причин самоубийства постниколаевской элиты и реставрации империи в XX веке было немало. Главные из них подробно рассмотрены в двух последних томах моей трилогии *Россия и Европа. 1462-1921*⁷. Прахом пошли все попытки воссоединить страну, расколотую еще в XVI веке закрепощением крестьян, после того, как петровские реформы лишь усугубили этот роковой раскол. На полстолетия опоздала Россия с отменой крестьянского рабства и на целое столетие с возможностью стать конституционной монархией. История не прощает таких опозданий и полувосточная петровская Россия была поэтому обречена. Но за плечами у нее всегда маячила (стояла, так сказать, на запасном пути) воспетая славянофилами другая, антиевропейская, московитская Русь, веками ждавшая своего часа. В 1917-м этот час наступил. Ничего подобного не было ни в Австрийской, ни в Османской империях.

Дело усугубилось еще и тем, что именно в XIX веке возродился в сознании российской элиты наполеоновский комплекс, дремавший в её коллективном, если можно так выразиться, подсознании еще со времен Грозного царя под именем претензии на «першее государствование». Из-за этого Россия острее, нежели соседние империи, переживала потерю статуса континентальной сверхдержавы после Николая I (просто потому, что как Австрия, так и Турция расстались с этим статусом еще в XVII веке и давно успели смириться с его потерей). По всем этим причинам деградация патриотизма зашла в Российской империи дальше, чем в них. И грань между национальным самосознанием и национальным самодовольством практически стерлась в ее культурной элите. Уже после революции пятого года патриотизмом считалась мечта о «великой России», которая вкупе с архаи-

⁶ Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому // Звенья: исторический альманах (далее - Альманах). М.-СПб., 1992. Вып. 2. С. 359.

⁷ Янов А.Л. Загадка николаевской России. 1825-1855 (= Россия и Европа. 1462-1921. В 3 тт. Т. 2). М., 2007; он же. Драма патриотизма в России. 1855-1921 (= Россия и Европа. 1462-1921. В 3 тт. Т. 3). М., 2009.

ческой племенной солидарностью сделала практически неизбежным вмешательство в смертельную для страны мировую войну. Представляется, что эти соображения достаточно убедительно объясняют как самоубийство постниколаевской элиты в 1917 году, так и реставрацию (под другим именем) московитской империи в XX веке. Добавлю лишь, что ничего подобного славянофильской Московии не стоит на запасном пути сегодняшней России.

Тяжелый диагноз

Самый замечательный из учеников Соловьева и единственный, кто подхватил эстафету борьбы с имперским национализмом (к сожалению, уже в эмиграции, где мало кто его услышал), Георгий Петрович Федотов так это, напомним, объяснял: «Почему русская интеллигенция в XIX веке забыла, что живет не в Руси, а в империи?.. После Пушкина, рассорившись с царями, [она] потеряла вкус к имперским проблемам (...). Темы политического освобождения и социальной справедливости завладели ею всецело, до умоисступления. [В результате] почти все крупные исследования национальных и имперских проблем оказались предоставленными историкам националистического направления. Те, конечно, строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую все темные стороны исторической государственности. Эта схема вошла в официальные учебники, презираемые, но поневоле затверженные и не встречавшие корректива (...) Так укрепилось в умах не только либеральной, но отчасти и революционной интеллигенции наивное представление о том, что русское государство, в отличие от государств Запада, строилось не насилием, не завоеванием, а колонизацией»⁸. Другими словами, будущее страны принадлежало тем, кто овладел её прошлым. Новая, советско-московитская Россия впитала старые имперские схемы, можно сказать, с молоком матери.

Начиная с XIX века российским прошлым овладело выродившееся славянофильство с его неутраченной ностальгией по сверхдержавности, с его имперским национализмом и средневековым утопическим мифом. И во что же могло всё это вылиться в веке XX, если не в уродливого и, как выяснилось, неконкурентоспособного в современном мире монстра советской империи, вдохновлявшегося всё тем же сверхдержавным соблазном, который так подробно и ярко описали еще за десятилетия до возникновения СССР Тютчев, Данилевский или Шарапов? Неважно, что руководилась советская империя другим утопическим мифом. Важно, что попрежнему мифом. И попрежнему утопическим.

Были, конечно, и другие причины деградации патриотизма в России. Например, ни Австрийская, ни Турецкая империи не были отравлены древней и соблазнительной идеей избранничества среди наций, мессианским представлением о

⁸ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 2. С. 316, 317 и сл.

себе как о «Новом Израиле». Наконец, – и это на мой взгляд главное – ни одна из них не породила ничего подобного славянофильству. В результате и не возникла в них мощная ретроспективная утопия, как бы собравшая в одно целое, сфокусировавшая и мессианский синдром избранничества, и средневековую имперскую ментальность, и связанную с наполеоновским комплексом неутраченную ненависть к каждой из сменявшихся начиная с 1850-х Россию на опасной должности сверхдержав – сначала к Франции, потом к Германии, потом к Англии. В наши дни, разумеется, к Америке. Просто не образовалась у других континентальных империй «идея-гегемон», способная не только вдохновить националистических историков, о которых писал Федотов, но и вызывать массовые пароксизмы патриотических истерий. Не было, короче говоря, могущественного мифа, изначально предрасположенного, как объяснил нам Соловьев, к вырождению в бешеный национализм, в оправдание завоевательных войн и в Черную сотню.

Но опаснее всего в этой средневековой утопии была ее способность воспроизводить себя, подобно Протею, в самых неожиданных формах – не только в черносотенстве и даже не только в евразийстве, но и в самом большевизме (в «революционной интеллигенции», по словам Федотова). Станным образом жила она – и более того, чувствовала себя дома – и в безбожном, поправшем все её святыни антиподе. В конце концов большевики с их коллективистской догмой, с их пролетарским мессианством, с их презрением к правовому государству и сверхдержавной «третьеримской» ментальностью оказались плотью от плоти той же средневековой утопии, что и породившее их славянофильство.

Вот это, собственно, и следовало в порядке «политического воспитания» разъяснить российской интеллигенции её веховским – или хотя бы уже после Катастрофы – сменовеховским критикам. К сожалению, оставаясь «национально-ориентированными» интеллигентами, критики ни о чем таком и не подозревали. Вместо этого продолжали они настаивать на своем славянофильстве, противопоставляя его другим, славянофильским же, впрочем, порождениям – большевизму и черносотенству. Но о большевизме мы еще поговорим. Пока что о черносотенстве.

Черносотенный соблазн

О нем понял все один Федотов, да и то когда было уже слишком поздно. Вот что писал он в конце 1930-х: «Национальная мысль стала монополией правых партий, поддерживаемых правительством. Но что сделали с ней наследники славянофилов?.. Читая Блока, мы чувствуем, что России грозит не просто революция, а революция черносотенная. Здесь, на пороге катастрофы, стоит взглянуть в эту последнюю антилиберальную реакцию Москвы, которая сама себя назвала по-московски "Черной сотней". В свое время недооценивали это политическое обра-

зование из-за варварства и дикости его идеологии и политических средств. В нем собрано было самое дикое и некультурное в старой России, но ведь с ним было связано большинство епископата. Его благословил Иоанн Кронштадский. И царь Николай II доверял ему больше, чем своим министрам. Наконец, есть основания полагать, что его идеи победили в ходе русской революции и что, пожалуй, оно переживет нас всех»⁹.

Могут сказать, что заключение Федотова, пожалуй, излишне пессимистично. Ведь всё-таки нашла в себе в конце концов силы Россия, пусть лишь десятилетия спустя после его смерти, не только разрушить коммунистическую диктатуру, но и сбросить иго империи, отвергнув при этом с презрением новый черносотенный соблазн, который внушали ей словно возродившиеся из праха бешеные националисты, подобные Владимиру Жириновскому или Игорю Шафаревичу. Все это правда. Но правда и то, что действительно пережил черносотенный соблазн и Катастрофу семнадцатого года, и советскую власть, и крушение империи. Одному Богу известно, что еще способен он пережить.

Замечательным подтверждением его долгожительства служит хоть та же опубликованная двумя изданиями уже в постсоветской России апология Черной сотни Вадим Кожинова. «Федотов», – писал Кожинов, – «несмотря на свои гимны "великой России", постоянно вонзал жало в действительную, реальную Великую Россию с ее могущественной государственностью»¹⁰. Это о сталинской диктатуре, которую Кожинов трижды на протяжении семи строк называет именно так: «реальной Великой Россией». Беспощадная критика сталинизма с несомненностью свидетельствует, по мнению автора, что «сознательно или бессознательно Федотов выполняет заказ тех мировых сил, для которых реальная Великая Россия всегда являлась нестерпимым соперником»¹¹. Не спрашивайте, о каких таких «мировых силах» речь. Конечно же, об очередной стране, взвалившей на себя, к собственному несчастью, бремя сверхдержавности, за которое ей еще долго придется расплачиваться, как расплачивались в своё время Франция, Германия или Англия. И как до сих пор расплачивается Россия. Ненависть к «мировым силам», ставшим поперёк дороги российской сверхдержавности опустошительна. Мы слышали её гром еще в 1860-е от Николая Данилевского (в ту пору, впрочем, относилась она к Франции). В страстных тирадах Сергея Шарапова в 1900-е направлена была она уже против Германии. В 1920-е по всем заводам и фабрикам СССР прокатилась организованная волна ненависти к Англии (тогда это называлось «нашим ответом Чемберлену»). Ясное дело, против кого должна быть направлена она в наши дни.

Ненависть эта буквально сжигает Александра Проханова (как сожгла она Кожинова). Ни один американец не избежал его праведного гнева. Надеюсь, читатель простит мне, если я, пусть в сокращении, напомним здесь его диатрибу:

⁹ Там же. С. 296 и сл.

¹⁰ Кожинов В.В. Черносотенцы и революция. М., 1998. С. 48.

¹¹ Там же. С. 49.

«Америка отвратительна ... Её солдаты – трусы ... Её политики – развратники и хулиганы ... Её актёры – содомиты ... Тексты её литераторов дышат СПИДом». Но Проханов (как до него Шарапов или объявленный сегодня «великим патриотом» М.О. Меньшиков), всего лишь черносотенный журналист. Его ненависть явно нуждается в новом, специально антиамериканском теоретическом обосновании. И обоснование это рождается на наших глазах. Его легко обнаружить, в частности, в замечательной дискуссии *Западники и почвенники: возможен ли диалог?*¹².

Самыми в этом, теоретическом, смысле интересными показались мне две публикации Михаила Назарова, бывшего антисоветского диссидента и невозвращенца, прожившего двадцать лет в Германии, а по возвращении на родину основавшего издательство под названием «Русская идея». Кожинов отзывался о нём с почтением: «Интереснейший и в высшей степени основательный исследователь»¹³. Нельзя сказать, что Назаров ненавидит Запад. Как и его московитские предшественники он просто считает его «апостасийным (отходящим от христианства и этим раскрепощающим действие сил зла)», расчищая тем самым, как очень скоро выяснится, путь антихристу¹⁴. Ненависть прорывается у него лишь по отношению к Америке. «Добавлю, что в слово Запад я вкладываю не географический смысл, а духовный, ибо эта цивилизация лишь формально возникла в Западной Европе... а основной свой оплот создала из денационализированных осколков разных народов на американском континенте, кроваво расчищенном от аборигенов и обустроенном трудом завезенных из Африки рабов»¹⁵.

Разумеется, именно эта преступная по самому своему происхождению «дехристианизированная» цивилизация насильственно навязывает теперь миру «тайну беззакония, которая ведет к царству антихриста, в их терминологии – к Новому Мировому Порядку»¹⁶. Назарову доподлинно известно, что «электронные средства для этого, [т.е. для царства антихриста] уже готовы, осталось только убедить население принять "начертание" (микрочип) в целях собственной и общественной безопасности и "защиты от террористов". (А для убеждения, например, нетрудно взорвать у себя пару небоскрёбов, заодно обвинив в этом противников Нового Мирового Порядка для расправы с ними и для силового передела богатств нашей Евразии)»¹⁷. Противостоять этому «демократическому тоталитаризму»¹⁸, к которому «тендирует» Запад–Америка, могут лишь «православная монархия» и Истина (с заглавной буквы), выраженная, естественно, «в православном церковном учении». Ибо, «вникнув в него, человек открывает для себя един-

¹² Западники и почвенники: возможен ли диалог? М., 2003.

¹³ Кожинов. Черносотенцы и революция. С. 163.

¹⁴ Назаров М.В. Письмо второе // Фонд «Либеральная миссия». 2001. С. 1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 2.

¹⁷ Там же. С. 3.

¹⁸ Там же. С. 16.

ственную возможность именно этой – и никакой иной! – Божией Истины, а также ограниченность или ложность всех неправославных религий»¹⁹.

Лишь в этом пункте возникает у нашего теоретика расхождение с другим, всемирно сегодня известным идеологом разрушения Запада–Америки как воплощения мирового зла. Я имею в виду, конечно, Осаму бен Ладена. Тот ведь тоже проповедует единственную Божию Истину. Только усматривает он её не в «православном церковном учении», которое он несколько не отличает от неправославных, но в учении своего Пророка, в Коране. И не в «православной монархии» видит Осама, естественно, оплот истинной веры, но в мусульманском Халифате. В остальном они с Назаровым единомышленники абсолютные. В том числе, разумеется, и по поводу «настоящей тайны Америки». Мало того, что это – государство, «украшенное масонской символикой и поклоняющееся капиталистическому золотому тельцу», оно еще, оказывается, и «под еврейским контролем»²⁰. Вследствие чего и является «прообразом всемирной империи антихриста ... подготовка к воцарению которого как раз и происходит в современном западном мире, подпавшем под иудейские деньги и идеалы»²¹. (Запомним это выражение, мы еще с ним встретимся – в устах черносотенных идеологов давно минувших дней.).

Впрочем, совпадение Назарова с Осамой легко было предсказать заранее. В конце концов черносотенство, будь то арабское или русское, не было бы черносотенством без обличения еврейского авангарда «Великого Сатаны» (или по-русски антихриста). Можно сколько угодно утешать себя мыслью об откровенном провинциализме наших теоретиков или о том, что договориться между собою они никогда не смогут, поскольку Истины их непримиримы. Не следует забывать, однако, что враг у них общий. А я ведь ничего больше сказать этим сравнением и не хотел. Кроме, пожалуй, того, что Федотов был, боюсь, прав в печальном своём заключении: черносотенный соблазн и впрямь выглядит бессмертным.

Судьба победившего большевизма

Вернёмся, однако, к проблеме долгожительства славянофильской утопии, наследниками которой стали и черносотенство и большевизм. Можно с уверенностью сказать, что не возмись большевики тотчас после своей победы за «собрание империи», т.е. не исполни они роль бешеных националистов, они недолго удержались бы у власти. Хотя бы потому, что у них в этом случае просто не было бы боеспособной армии. Не стали бы иначе создавать её для них ни единственный в России герой мировой войны А. Брусилов, ни бывший генерал-квартирмейстер

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Он же. Тайна России. М., 1999. С. 492.

²¹ Там же. С. 493, 578.

царской армии Н. Потапов, ни бывший помощник военного министра А. Поливанов.

Любопытная статистика на этот счет есть, кстати, у того же Кожина. Оказывается, что «из Белой армии в Красную перешло гораздо больше офицеров, чем наоборот». И «почти половина лучшей части, элиты русского офицерского корпуса [речь о Генеральном штабе – А.Я.] служила в Красной армии ... из 100 командиров армий у красных в 1918-22 годах 82 были царскими генералами»²². А постсоветские историки и вовсе подсчитали, что «общее количество кадровых офицеров, участвовавших в гражданской войне в рядах регулярной Красной армии более, чем в два раза превышало число кадровых офицеров, принимавших участие в военных действиях на стороне белых»²³.

Может ли быть хоть малейшее сомнение, что именно эти кадровые офицеры и генералы выиграли для большевиков гражданскую войну? Или в том, что пошли они за большевиками всё по той же причине, ибо видели в них наиболее перспективных и решительных «собирателей империи»? Более того, не одно лишь «собирание империи», но и новая сверхдержавность была у некоторых из них на уме с самого начала – и именно в связи с размахом «всемирной пролетарской революции». Например, у крупнейшего из русских геополитиков XX века Андрея Снесарева, бессменного начальника советской Академии Генерального штаба с 1919 года, неустанно повторявшего: «Если вы хотите разрушить всемирную капиталистическую тиранию, – разбейте англичан в Индии»²⁴. Снесарев, между прочим, предложил даже подробный план вторжения в Индию через Афганистан и ему принадлежит популярное в тогдашнем Генштабе изречение: «Тот, кто владеет Гератом, контролирует Кабул, тот, кто правит в Кабуле, контролирует Индию»²⁵. Правда, злые языки утверждали, что проект Снесарева всего лишь перелицованный план генерала Скобелева «пройти в Индию путем Тимура», предложенный еще в 1878 году.

Но ведь большевистские командиры не только планировали, они и действовали. Едва завоевав в феврале 1920 года ханство Хивинское (тогдашнее переименованное в Народную республику Хорезм), Туркестанская комиссия во главе с Фрунзе высадила десант в иранском порту Энзели, провозгласив там, разумеется, Советскую Социалистическую республику Гилян. Короче говоря, у англичан в 1928 году были основания утверждать, что «сегодняшняя политика Советской России по отношению к Индии идентична политике императорской России»²⁶. Как бы то ни было, в конфликте между двумя средневековыми утопиями, молодая, динамичная и лишенная предрассудков утопия большевизма просто не могла не победить старую, выдохшуюся и отягощенную реакционной политической базой утопию

²² Кожин. Черносотенцы и революция. С. 174 и сл.

²³ Вопросы истории. 1993. № 6. С. 189.

²⁴ Hauner M. What Is Asia to Us? Boston, 1990. P. 78.

²⁵ Ibid. P. 192.

²⁶ Ibid. P. 94.

постниколаевского национализма. В момент, когда одновременно взорвались все «мины», заложенные в основание пореформенной России, бешеным оказалось нечего предложить своему народу. Их политические ресурсы были исчерпаны. Едва отняли у них большевики имперскую мечту, ничего практически не осталось в их идейных закромах, кроме яростного черносотенства.

С ними, по сути, случилось то же самое, что и с их прародителями славянофилами, которые, по выражению Федора Степуна, «от Шеллинга перешли к Жозефу де Местру, от Петра Великого – к Ивану Грозному»²⁷. Как деликатно объяснял эту жестокую эволюцию Владимир Варшавский, автор замечательной книги о судьбе эмигрантской молодежи после Катастрофы, «к жертвенному и героическому вдохновению Белого движения постепенно всё более примешивались чувства другого цвета – человеконенавистничество Черной сотни»²⁸. И цитировал в доказательство популярнейшую офицерскую частушку:

«Смело мы в бой пойдём
За Русь святую
И всех жидов побьём
Сволочь такую!»

Так или иначе, не смогли они предложить ни мира народам (из-за славянофильской веры в русский Царьград), ни земли крестьянам (из-за помещичьей политической базы), ни национального самоопределения меньшинствам (из-за имперского национализма «единой и неделимой»), ни даже однопартийной диктатуры (из-за славянофильской же ненависти к любым политическим партиям). То есть в буквальном смысле ни-че-го.

И потому, когда большевистская утопия все это России предложила и, пусть ненадолго (кроме диктатуры), осуществила, бешеные были обречены. Прибавьте к этому очарование мессианской идеи мировой революции и стремительный темп того, что социологи называют вертикальной мобильностью, т.е. практически неограниченную возможность для легендарного славянофильского «простого народа» продвигаться вверх по внезапно опустевшим в ходе тотального террора служебным ступеням нового государства, и вы тотчас увидите, что не было у бешеных ни малейшего шанса противостоять кавалерийской атаке большевизма.

Другое дело, что средневековая милитаристская империя не перестала с победою большевиков быть средневековой милитаристской империей. Разве что роль Официальной Народности исполнял в ней теперь атеистический марксизм, а роль самодержца – генеральный секретарь партии. Нам, однако, важно другое. А именно, что, как всякая средневековая утопия, большевизм тоже был обречен на вырождение. Он тоже одряхлеет, как николаевская Официальная Народность, и

²⁷ Цит. по: Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 37.

²⁸ Там же. С. 27.

тоже окажется в плену у политического идолопоклонства. Он тоже даст в своих рядах приют черносотенству. Не зря же Москва 1951-го напоминала скорее о пророчестве Шарапова, нежели о видении Ленина. Короче говоря, не мог большевизм при всем своем догматическом интернационализме стать альтернативой Черной сотне. «А это значит», – говорит Федотов, – «что опять, как и в царские времена, на окраинах скопляются центробежные силы, готовые взорвать мнимо-федеративную империю. И чем более они сдавлены прессом НКВД, тем эффективнее должен быть взрыв после освобождения»²⁹. Напоминать ли, что сбылось пророчество?

Более того, точно так же, как бешеный национализм видел все беды России в смутьянстве инородцев, «для всех меньшинств отвращение от большевизма сопровождается отталкиванием от России, его породившей». И точно так же, как евреи были для черносотенцев в большевистских рядах воплощением мирового зла, большевистская Россия выглядела абсолютным злом в глазах многих евреев. «Великорусс не может этого понять. Он мыслит: мы все ответственны в равной мере за большевизм, мы пожинаем плоды общих ошибок. Но хотя и верно, что большевистская партия вобрала в себя революционно-разбойничьи элементы всех народов России, но не всех одинаково. Русскими преимущественно были идеологи и создатели партии. Большевизм без труда утвердился в Петербурге и в Москве, Великороссия почти не знала гражданской войны; только окраины оказали ему отчаянное сопротивление»³⁰. Не напиши Федотов даже ничего, кроме этих строк, читатель всё равно признал бы в нем ученика Соловьева.

Несправедливо, да и ни к чему отнимать у большевизма его заслуги перед русской историей. Всеобщая грамотность, урбанизация страны, замена унитарной империи пусть формальной, но федерацией, и победа в великой войне против Третьего Рейха навсегда останутся памятниками этой диктатуры, несмотря даже на чудовищную цену, которую пришлось заплатить за них России. Тем не менее когда пробил час большевизма, его идейные и политические ресурсы оказались так же исчерпаны, как ресурсы постниколаевского самодержавия в 1917-м. Продлить свои дни мог он теперь лишь обратившись все к тому же дряхлому славянофильскому мифу о незыблемой «народной ментальности» и николаевскому государственному патриотизму. Коварна все-таки ирония истории. Придя к власти на костях Русской идеи, ничего лучшего, уходя от неё в августе 1991-го, нежели поднять на стяг все ту же побитую им когда-то Русскую идею, придумать большевизм оказался не в состоянии.

Заметим, однако, что, в отличие от выродившегося славянофильства, коммунистические элиты (во всяком случае какая-то их часть) нашли в себе все же силы для жестокой самокритики. По крайней мере, для открытого разрушения собственного культа политического идолопоклонства. Значит что-то от декабризма

²⁹ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 323.

³⁰ Там же.

хоть в некоторых из них все-таки сохранилось. Благодаря чему и отбыли они с исторической сцены с некоторым достоинством. Во всяком случае без гражданской войны, которой так страшился Федотов. Но это уже другая тема, и мы к ней еще вернемся.

Реакция бешенных

Сейчас предстоит нам завершить нашу печальную повесть о первом столетии имперского национализма в России. Как сделать это, однако, не рассказав читателю о реакции его уцелевших в гражданской войне бешеных пророков на их эпохальное поражение? Ничто не даст нам более полного представления о средневековом характере их мышления, нежели близкое знакомство с этой реакцией. Ну и кроме того, в любом споре всегда полезно выслушать аргументы обеих сторон. Мы слышали доводы Федотова, послушаем теперь его оппонентов.

Читатель знает, хоть из цитированных нами в трилогии *Россия и Европа. 1462-1921* пламенных тирад и манифестов Скобелева, Шарапова и Н.П. Аксакова, с каким оптимизмом и уверенностью шли бешеные националисты навстречу мировой войне. Они предвидели близкую и окончательную победу над пожирателями славян, вдохновляемых, полагали они, исключительно «идеалами, заимствованными от еврейства». Их идеологическим мотто было, как мы помним, «Россия против еврейства». Именно евреи представлялись им, как и сегодняшним их наследникам, хоть тому же Назарову, последним препятствием на пути России к восстановлению ее статуса как единственной и «первой в мире» сверхдержавы.

И вот они проиграли эту миродержавную схватку, оказались в изгнании, выброшенными из своей страны, ненужными ей. Как могли они воспринять такое оглушительное поражение? Конечно, оно должно было представляться им апокалиптической катастрофой, предвестием конца света. Но самое горькое – торжеством смертельного врага. Вот почему первая же книга, задавшая тон всей дальнейшей реакции бешеных, так и называлась *Новая Иудея или разоряемая Россия*. Суть ее сводилась к следующему: «Сейчас Россия в полном и буквальном смысле этого слова Иудея, где правящим и господствующим народом являются евреи и где русским отведена жалкая и унижительная роль завоеванной нации, утратившей свою национальную независимость. Мечь, жестокость, человеческие жертвоприношения, потоки крови – вот как можно характеризовать приемы управления евреев над русским народом... Резюмируя все вышеизложенное, можно смело сказать, что еврейская кабала над русским народом – совершившийся факт, который могут отрицать и не замечать или совершенные кретины или негодяи, для которых национальная Россия, ее прошлое и судьба русского народа совершенно безразличны»³¹.

³¹ Михайлов В. Новая Иудея или разоряемая Россия. Нью-Йорк, 1921. С. 9, 15.

Но брошюра В. Михайлова, которую мы цитировали, оказалась лишь первым раскатом грома, прозвучавшим из эмигрантского лагеря бешеных. На подходе были куда более серьезные двухтомные работы Н.Е. Маркова, Г. Бостунича и Ю.М. Одинзгоева, подробно обсуждавшие под тем же углом зрения как историю русской революции, так и темное прошлое еврейского народа и исконную его связь с коварной идеологией масонства. И, конечно же, мрачное будущее, ожидающее человечество в результате завоевания России этими сатанинскими силами. Попутно объяснят нам откровения лидеров дореволюционного черносотенства действительно ли подлежит оно реабилитации, как пытался доказать Кожинов, и почему в наши дни необходимо сегодняшним черносотенцам новое, специально антиамериканское обоснование, над которым трудятся, не покладая рук, Назаров, Проханов и их единомышленники.

«Еврейская революция» по Н.Е. Маркову

Так и называется двухтомник: *Войны темных сил*. Главная тема сформулирована уже во вступлении: «Существование темных тайных сил столь же несомненно, как существование незримых глазу бактерий и бацилл. Это факт реальной действительности. Изучение темных сил необходимо для того, чтобы уметь избегать их вредного, губительного для человечества влияния. Известный писатель Гюисманс писал, что высшее достижение Сатаны в том, что он сумел убедить человечество в своем небытии. Поразительно, но это так»³². (Теперь читатель понимает, откуда взялись у современного историографа и апологета Черной сотни мировые, они же темные силы, которым, по его мнению, служил Федотов.). Конечно, оппонент мог бы возразить Маркову, что бактерии и бациллы все-таки отчетливо видны под микроскопом, тогда как относительно существования «темных тайных сил» нам приходится верить Маркову – и Кожинову – на слово, но едва ли они сочли бы такое возражение убедительным. В конце концов было же время, когда люди не знали и о бактериях. Тем более, что у черносотенцев, во всяком случае у Маркова, есть неопровержимые, по его мнению, свидетельства, лучше любого микроскопа доказывающие, что революция и впрямь изобретение сатанинское и специфически еврейское. Он посвящает этой предистории русской революции больше сотни страниц, начиная с низвержения в бездну «высшего ангела Сатанаила-Денницы», с каковой поры «падшие сверху вниз духи света превратились в духов тьмы и Сатанаил стал Сатаной»³³ и кончая подлинным письмом Гарибальди, не оставляющим ни малейших сомнений, что и национальный герой Италии оказался на поверку «истинным иудо-масоном»³⁴.

³² Марков Н.Е. *Войны темных сил*. Париж, 1928. Т. 1. С. 1.

³³ Там же. С. 3.

³⁴ Там же. С. 106. Курсив Маркова.

Я не говорю уже о том, что «цареубийство 1 марта было подготовлено тайным сообществом, организованным евреями», так как «еще за год до преступления в секретном циркуляре министерства внутренних дел от 6 апреля 1880 г. за № 1460 было изложено, что по полученным III отделением собственной Его Величества канцелярии сведениям, в члены всемирного еврейского кагала, учрежденного с целями вполне враждебными для христианского населения, поступили все евреи-капиталисты ... что евреи имеют в своих домах кружки для сбора пожертвований в пользу кагала и оказывают материальную поддержку революционной партии»³⁵.

А если мало вам «секретного циркуляра», в котором цареубийство, впрочем, упомянуто не было, то вот, пожалуйста, и самое несомненное доказательство: «после цареубийства 1 марта повсеместно по стране прокатилась волна еврейских погромов». Кто посмеет после этого усомниться в существовании темных сил, если, как достоверно известно Маркову, «народное чутье никогда не обманывалось»³⁶?

На странице 131 добираемся мы, наконец, и до революции Пятого года: «Множество русских деятелей сознавали тогда и громко исповедывали свое твердое убеждение в чрезвычайной опасности и в несомненной вредности для России всякого подобия конституции и парламентаризма. Образовавшийся в конце 1905 г. Союз Русского Народа явился мощным и всенародным выразителем этих здоровых, истинно русских, глубоко национальных убеждений»³⁷. *Построенный на тех же основаниях, на которых 17 лет спустя построился итальянский фашизм*, Союз Русского Народа сыграл крупную историческую роль и действительно помог ослабевшей в борьбе с темной силой власти осилить совсем было разывавшуюся революцию»³⁸. В этом современный историограф черносотенства совершенно со своим духовным наставником согласен. Разве что, в отличие от Маркова, о связи между Черной сотней и фашизмом Кожинов, естественно, не упоминает.

Но вернемся к Маркову. Оказалось, что «стовосьмидесятимиллионный русский народ невозможно покорить простым насилием» и что «для достижения этой цели его необходимо обмануть, одурманить и хитростью заманить в такие ловушки, из которых ему не было бы иного выхода, как в темницы всемирного интернационала»³⁹. Конечно, Марков «далек от того, чтобы преуменьшать геройские подвиги некоторых воинских частей Императорской Армии и доблестных военачальников» по подавлению революции, но «я должен определенно заявить, что все эти действия фактически проявились тогда, когда началось общенародное

³⁵ Там же. С. 106 и сл.

³⁶ Там же. С. 107.

³⁷ О Союзе Русского Народа и революции 1905 г. см.: Rawson D.C. *Russian Rightists and the Revolution of 1905*. Cambridge, 1995.

³⁸ Марков. *Войны темных сил*. С. 131 (выделено мною - А.Я.).

³⁹ Там же.

движение против евреев, когда в Петербурге стали сознавать, что массы народные стоят за царя и против еврейской революции»⁴⁰.

Короче говоря, вот в чем состоит историческая заслуга Союза Русского Народа: «он на деле показал правительству и обществу, что с затеянными евреями "освободительным" движением можно и должно бороться силою». (И тут, заметим, Кожин тоже с Марковым согласен⁴¹.) Несмотря, однако, на эту заслугу, несмотря даже на то, что «Государь Император весьма благоволил Союзу Русского Народа, справедливо видя в нем надежную опору монархии», он почему-то оказался «одинок в этом отношении и, встречая постоянное противодействие со стороны почти всех своих министров и приближенных, не настоял на своевременной и надлежащей государственной поддержке и развитии организованной народной самообороны»⁴². Более того, «обманутый министром Витте и либеральными петербургскими советниками, уступил домогательствам крамольников и, издав манифест 17 октября 1905 г., дал право утверждать, что народу дарована конституция и что, следственно, Царь перестал быть самодержавным»⁴³.

Нечего и говорить, что «сам Государь понимал дело иначе и ряду патриотических депутатов отвечал – Самодержавие мое остается, как было встарь. И при начертании новых основных законов 1906 года Государь собственноручно восстановил прежнее определение императорской власти, вписав слово "Самодержавный", которое уже было выпущено услужливыми клеветами масона Витте»⁴⁴. Тем не менее, «как только наступило успокоение, т.е. разрушительная работа иудо-масонства ушла в Гос. Думу и в подполье, Союз Русского Народа стали определенно теснить, принижать и вести его к разложению. Даже крупные государственные люди, как П.А. Столыпин, думали, что мавр сделал свое дело и что мавру время уйти. Либеральная же министерская мелочь, вроде Коковцева, Философова, Тимирязева, князя Васильчикова, барона Нольде и им подобных, злобно шипели на Союз Русского Народа и в своих ведомствах учиняли на членов Союза формальное гонение»⁴⁵.

Такое странное, чтоб не сказать предательское, поведение бюрократической элиты империи должно иметь какое-то объяснение. И автор не колеблется предложить его читателю. «Этим», – говорит он, – «достигалась двоякая цель: устранялись из ведомств непрошенные наблюдатели и обличители противогосударственной подпольной работы и одновременно заслуживалось одобрение и благоволение высших сфер иудо-масонства и еврейских банкиров»⁴⁶. Выходит, согласитесь, что благоволение высших сфер иудо-масонства оказалось для бюрократической элиты империи почему-то важнее, чем благоволение ее государя. Впрочем,

⁴⁰ Там же. С. 132.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 133 и сл.

⁴³ Там же. С. 134.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 133.

⁴⁶ Там же.

«большинство министров и начальников действовали так по непониманию и по узости своего государственного кругозора. Но такие, как Витте или Коковцев, те действовали с разумением, для них важнее всего было угодить настоящему своему господину – международному еврейству»⁴⁷.

Справедливости ради заметим, что, комментируя полвека спустя эти невероятные обвинения Маркова, мог бы всё-таки Кожинов сообщить читателю, что могли быть и другие объяснения брезгливости, с какой относились высшие бюрократы империи к черносотенству. Например, то, что были они всё-таки людьми интеллигентными и открытое сотрудничество с воинством, в котором, как мы уже слышали, было «собрано всё дикое и некультурное в старой России», так же, как с его сотрудниками из «национально-ориентированной» интеллигенции, им претило. Или то, что логика массового движения, «построенного», – по словам Маркова, – «на тех же основаниях, на которых построился итальянский фашизм», неизбежно вела в конечном счете к подмене традиционного самодержавия черносотенной диктатурой какого-нибудь русского Дуче. Или, наконец, попросту то, что от этих людей дурно пахло.

Пусть и не понимал этого по недостатку образования Марков, но ведь Кожинов был всё-таки доктором наук. И взвалив на себя такую ответственную задачу, как реабилитация черносотенства, должен он был хоть попытаться объяснить то ожесточение, с которым сопротивлялась Черной сотне имперская бюрократия. К сожалению, ничего подобного он не сделал, позволив Маркову спокойно продолжать свою драматическую повесть о том, как правительство самодержавной России на содержании у «международного еврейства», поставило единственно лояльную опору самодержавия в стране в совершенно двусмысленное положение.

«Выходило так: либо - во имя восстановления поврежденной полноты царского самодержавия – послушаться самого Царя, стать на путь восстания против правительства и силою вернуть Царю исторгнутую у Него интеллигентским обманом и революционным устрашением полноту власти ... либо покориться и признавать новые законы, пока Государю-Самодержцу не благоугодно будет их изменить или заменить настоящими, полезными народу»⁴⁸. Разумеется, «верноподданный Союз Русского Народа вынужден был стать на второй путь»⁴⁹. Ибо «бунт против царских властей - во имя царской власти - был невозможен. Приходилось отказываться от наступательной государственно-строительной деятельности, иначе - фашизма, и отступить в глубокий тыл для сбережения святыни и знамен самодержавия»⁵⁰. А это означало конец Черной сотни: «полки превратились в академии»⁵¹. Хуже того, это означало конец России: «фактически идея конституции – в образе Государственной Думы – победила идею Самодержавия – в лице

⁴⁷ Там же. С. 136-137.

⁴⁸ Там же. С. 135.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 137.

⁵¹ Там же.

Союза Русского Народа... Темная сила погубила Российскую Империю»⁵². Теперь для полной победы ей требовалась сущая малость: втравить человечество в мировую войну «для разгрома крупнейших ее противников – России в первую голову – и для последующего захвата власти над пораженными христианскими народами»⁵³. Естественно, международное еврейство – оно же «темная сила» – именно это и сделало. Что доказывается документально пространной цитатой из речи фельдмаршала Людендорфа, незадолго перед тем шагавшего рядом с Гитлером в рядах мюнхенских путчистов.

Печальная истина заключалась, другими словами, в том, что не оказалось во всей России никого, способного противостоять темной силе, кроме «простонародной организации». Интеллигенция? Да она с темной силой с удовольствием сотрудничала, подрывая христианскую веру, с энтузиазмом отдаваясь сатанизму. «Мережковский - типичный представитель интеллигентского антихристианства, но он далеко не один. Имя им – легион. Того же темного духа профессор Бердяев ... Но особенно вредна и опасна для христианства деятельность протоиерея С. Булгакова»⁵⁴. (Тут, однако, Марков решительно расходится с историографом, посвятившим несколько страниц как раз доказательству «черносотенства» Булгакова.).

«В деле совращения душ и всяческого развращения ученые писатели и мыслители достигли чрезвычайных успехов ... Христианская власть Императоров Всероссийских не допускала явного отправления сатанинского культа. Поэтому изнывавшие, вместе с прочей интеллигенцией, от отсутствия "свобод" сатанисты проявляли себя ... в литературе.

Кто ты зельями ночными
Опоившая меня,
Кто ты, Женственное имя
В нимбе красного огня? –

истерично вопрошал поэт А. Блок [явно же взывал, негодяй, к революции! – А.Я.], а философ В. Соловьев так и умер, не успев толком размежевать христианство и гностицизм, а от гностицизма до сатанизма рукой подать ... Андрей Белый ... этот enfant terrible российского сатанизма»⁵⁵. В список «разлагателей русского духа» неожиданно угодили, как видим, даже самые откровенные критики российской интеллигенции. В отличие от историографа, Марков не устает подчеркивать именно «простонародный» характер Союза русского народа и ничуть не скрывает презрения к интеллектуалам, даже сочувствующим, даже «национально ориентированным», которыми так гордился Кожин. Что вождь черносотенцев терпеть не мог Соловьева, это понятно. Он был костью в горле и для Кожина, но Булгаков...

⁵² Там же. С. 137, 139.

⁵³ Там же. С. 155.

⁵⁴ Кожин. Черносотенцы и революция. С. 33-35.

⁵⁵ Марков. Войны темных сил. Т. 2. С. 148, 152 и сл.

Ничуть не лучше, впрочем, обстояло дело с чиновной бюрократией. «Если б тогдашнее правительство доросло до понимания того, что впоследствии понял в Италии Муссолини ... история России была бы совсем иной. Но рожденные ползать – не могут летать ... Неизменно - до самого рокового конца ухаживали они за смутьянами и унижали вверенную им свыше власть перед выскочками и наглецами антигосударственной Государственной Думы и всячески открещивались и отплевывались от общения с Черной Сотней»⁵⁶, этой единственной надеждой России.

Н.Е. Марков и русский консерватизм

Я думаю, довольно цитировать. Общая схема рассуждений Николая Евгеньевича, одного, кстати, из самых пламенных трибунов «антигосударственной Государственной Думы», закончившего свои дни консультантом гестапо по русским делам, ясна. Нет сомнения, что схема эта славянофильская. «Простой народ», в котором, как мы помним, сосредоточена «вся мысль страны», противостоит в ней развращенной европеизмом «публике» – интеллигенции и бюрократам – совершенно так же, как у Константина Аксакова. Только там, где у Аксакова некий абстрактный «народ», у Маркова – вполне конкретные погромщики – охотнорядцы, деятельность которых он сам и рекомендует как фашистскую. У Аксакова была утопия, а у Маркова – практика. Я не говорю уже, что аксаковская утопия вдохновлена была мечтой о свободе, а реминисценции Маркова, как мог убедиться читатель, пронизаны отчаянной тоской по «италианскому фашизму». Но как, скажите на милость, выглядит в свете этой драматической метаморфозы позиция Кожинова, умудрившегося взять себе в духовные наставники одновременно и Аксакова и Маркова? Он-то силился доказать, что разница между ними «обусловлена вовсе не неким "вырождением" идеи [камешек в огород Соловьева – и в мой – А.Я.], но существеннейшим изменением самой исторической реальности: невозможно было мыслить в России и о России 1900-1910-х годов точно так же, как в 1840-1850-х»⁵⁷. Правильно, невозможно. Только почему-то не пришло историографу в голову, что еще невозможней представить себе Аксакова, посвятившего жизнь борьбе с «душевредным деспотизмом», тоскующим по фашизму.

Это, впрочем, лишь одна сторона дела. Попросту нельзя вообразить ситуацию, при которой благородный романтик оказался бы погромщиком. И никакие «изменения исторической реальности» не заставили бы человека чести упрекать правительство России в непонимании «того, что понял в Италии Муссолини». Нет, ни при каких обстоятельствах не стал бы Аксаков Марковым. Но с другой стороны, не аксаковская ли консервативная утопия, утверждающая ту самую «внеев-

⁵⁶ Там же. Т. 1. С. 136.

⁵⁷ Кожин. Черносотенцы и революция. С. 21.

ропейскую», – по выражению В.С. Соловьева, – «или противоевропейскую искусственную самобытность России» породила Маркова?

Достаточно ведь просто спросить, кому обязан погромщик самим противопоставлением «простого народа» интеллигенции, чтобы не осталось сомнений, что вышел Марков из славянофильской шинели. У кого еще мог он заимствовать странную, согласитесь, идею, что именно в этом простом народе «сосредоточена вся мысль страны»? Откуда, если не от Достоевского, его воинствующий антиинтеллектуализм, представление о том, что интеллигенция не более, чем «чужой народик, очень маленький, очень ничтожненький»? Откуда химера, что управляться Россия может лишь посредством прямого общения простого народа с самодержавным хозяином – без «бюрократического средостения»? Разве всё это не ключевые, не фундаментальные основы той самой консервативной утопии, которая строилась в России на протяжении всего XIX века – сначала Аксаковым (как внеевропейская), потом Данилевским (как антиевропейская), потом Шараповым и Никольским (как антиеврейская)?

Мои консервативные критики откровенно намекают, что само уже рассмотрение философии Маркова в одном ряду с такими паладинами идеологии национального эгоизма, как Аксаков или Данилевский, дисквалифицируют тезис Соловьева о неминуемом вырождении этой идеологии⁵⁸. Как иначе, однако, объяснили бы эти критики происхождение идей Маркова? Из каких других источников могла проистекать идеология черносотенного Союза русского народа? Даже Кожин был честнее, предположив, что просто в «изменившейся исторической реальности 1900-1910 годов» невозможно было защищать русское самодержавие иначе, нежели методами «италианского фашизма».

Другое дело, что в реальной жизни альтернатива «итальянскому фашизму», конечно, была, но состояла она, как мы сейчас увидим, в откровенном признании, что консервативная утопия, краеугольным камнем которой была вера в императивность самодержавия, окончательно выродилась и защищать её порядочному человеку больше невозможно. Как иначе истолковали бы критики, скажем, признание Л.А. Тихомирова после революции Пятого года, что «Россия... прямо находится в гибели и царь бессилён её спасти»⁵⁹? Или аналогичное признание Б.В. Никольского, что «царствующая династия кончена и на меня её представителям рассчитывать [больше] нечего»⁶⁰. В любом случае, однако, обозначился ли конец выродившейся консервативной утопии решением Маркова продолжать за неё борьбу, опираясь на гестапо, или отказом от борьбы, как в случаях Тихомирова и Никольского, ясно одно: идеология национального эгоизма обанкротилась безнадежно. Разве не в этом действительный урок вырождения благородной консервативной утопии XIX века?

⁵⁸ См., например, Репников А.В. Современная историография российского консерватизма // Nationalism.org. <http://www.nationalism.org/>.

⁵⁹ 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. Т. 2. М.-Л., 1930. С. 63.

⁶⁰ Альманах. Вып. 4. С. 24.

Эволюция «жидо-масонского заговора»

«Итальянский фашизм» оказался, однако, лишь первой вехой на пути ее дальнейшего вырождения. Знаменосцем следующего ее шага по справедливости следует признать Григория Бостунича, дослужившегося до генеральских чинов в СС и ставшего, согласно американскому историку, «доверенным лицом Гимmlера и Гейдриха», своего рода «живым воплощением родства между черносотенной идеологией и нацистской мыслью»⁶¹. Бостунич, в отличие от Маркова, полагал себя профессиональным историком. Потому и не ограничился ссылкой на подавление Господом восстания Сатанаила-Денницы, а тщательно исследовал генезис «еврейской революции» на протяжении всей мировой истории. Высшим его достижением в глазах нацистов была графическая схема движения этой революции в виде карты Европы, оплетенной змеей. Называлась она «Путь символического Змия, долженствующего поработить весь мир под жидовское иго». Комментарий к этой знаменитой в нацистском Берлине карте был такой: «Так как тайное жидовское правительство для осуществления своих планов пользуется своим подручным – масонством, то порабощение мира жидами изображается применительно к масонской символике в виде Змия, который, замыкая магическое кольцо, сам жалит себя в хвост ... Политический план мирного завоевания для Сиона вселенной составлен был царем Соломоном еще за 929 лет до Р. Хр.»⁶². Технология реализации этого плана была довольно проста: «Проникая в недра встречаемых им на пути государств, Змий подтачивал и пожирал все государственные, нееврейские силы, по мере их роста. Это же должен он делать и в будущем до тех пор, пока цикл пройденного им пути не сомкнется возвратом главы его на Сион и пока, таким образом, Змий не сосредоточит в сфере своего круга всей Европы, а через нее и остальной мир»⁶³.

Вот этапы этого большого пути. «1-й этап – 429 г. до Р. Хр. – Греция в эпоху Перикла ... Что пресловутая "демократия" вершила во времена Сократа, нам хорошо известно ... 2-й этап - последние годы перед Р. Хр. – Рим в эпоху Августа. В это время жиды разрушили Римское государство изнутри, как тысячу девятьсот лет спустя государство Российское ... использовав юное христианство, раввинистически извратив его. Мы совершенно неправильно представляем себе римские гонения на христиан как преследование веры»⁶⁴. А как правильно? Бостунич объясняет, а я только воспроизвожу его текст (включая умопомрачительные орфографию и стилистику): «Так называемые первые христиане были жидовский пролетариат, ухватившийся за проповедь Христа вовсе не с точки зрения отречения от мира сего, а с точки зрения чисто по жидовски извращенного осуждения скопидомства, что было жидами истолковано в стиле столь знакомого нам "грабь

⁶¹ Laqueur W. *Russia and Germany: A Century of Conflict*. L., 1965. P. 122, 125.

⁶² Бостунич Г. *Масонство в своей сущности и проявлениях*. Белград, 1928. Т. 1. С. 130.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. С. 132.

награбленное", то эти первые христиане стали на практике - нечто вроде первых коммунистов, которые под управлением жидов Ленина (Ленин был усыновленный русскими недотепами жидок) уничтожали на святой Руси все честное и порядочное, главным образом заботясь набивать свои карманы»⁶⁵.

В том, что перед нами антихристианство почище *Кода да Винчи*, сомнения нет. Нацисты это поощряли. Но сочувствующие им православные иерархи – они-то как же? Тоже сочли мучеников христианства «жидовским пролетариатом»? Бостунич, однако, идет в своём языческом рвении дальше. «Не за то Нерон и прочие бросали первых христиан (жидов) на растерзание зверям, что они во Христа верили, а за то, что они государство подрывали и чернь на лучших людей натравливали. Довольно, наконец, повторять глупости, что втемяшили в наши детские головы – пора, наконец, узнать историю, какой она была, а не как ее расписали жида, масоны и мракобесы»⁶⁶.

Вернемся, однако, к этапам. Итак, «3-й этап - 1552 г. - Мадрид в эпоху Карла V 4-м этапом я считаю 1648 г., местом - Лондон, когда фанатик Кромвель (который, к слову сказать, был масон) ... стал орудием жидов! Ибо он в их интересах преступил даже масонские заповеди, послав на плаху короля Карла Стюарта, который тоже был масон! От совершенной Кромвелем революции выиграли одни жида, получив давно желаемое равноправие, приведшее в наши дни к тому, что жида управляют этой подлейшей из стран мира ... 5-м этапом я считаю эпоху французской революции (1789-1801 г.г.), местом - Париж, когда жида-масоны, свергнув монархию, разорили Францию, но добились равноправия»⁶⁷. Ну и так далее, в том же духе, куда Змий не прибывает, наконец, в Россию.

Само собою разумеется, что «осуществить заветную мечту жидов – завоевать весь мир – невозможно без порабощения 1/6 его части». Отсюда «1881-й год – Петербург, убийство императора Александра II жидо-масонами. Когда Желябовы смеются – Россия плачет [и народовольцы оказались, как видим, жидо-масонами – А.Я.]. Далее путь Змия: Москва – Киев – Одесса, и мы воочию видели, как этот страшный путь совершился ... вся русская "великая и бескровная" революция, как по нотам, была разыграна по планам интернационального воинствующего жидовства и является осуществлением их заветной мечты - поработить весь мир, а нас, христиан, сделать своими рабами ... Вся революция – жидовское дело». Самое страшное, предрекал Бостунич, разыграется, однако, в ближайшее десятилетие (его двухтомник вышел в 1928 г.), когда развернется «последний этап перед победоносным возвращением головы Змия в Константинополь»⁶⁸.

Всякому, кто имеет хоть первоначальное представление о европейской истории, путешествие вышеозначенного Змия безусловно покажется бредом. Что, впрочем, не помешало деятелям «арийской» науки в нацистском Берлине воспри-

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С. 132 и сл.

⁶⁸ Там же. С. 134 и сл.

нять его как первостепенное открытие. Оно, собственно, и послужило ключом к карьере Бостунича в интеллектуальных кругах СС⁶⁹. В его безумии они несомненно усмотрели систему. Две вполне прагматические цели во всяком случае просматриваются в нем ясно. Во-первых, представить «жидовскую революцию» в России как одно из заключительных звеньев гигантского глобального плана завоевания мира. И притом не какой-то абстрактной «темной силой», как у Маркова, но уходящим в глубь веков «жидо-масонским» заговором – с точной хронологией его триумфов и вытекающими из них историческими нравоучениями.

Вторая цель заключалась в том, чтобы представить большевизм агентом этой древней кабалы, отождествить его с вековой кровожадной мечтой еврейства. Так, собственно, Бостунич и говорит: «Большевизм – это стремление жидов всего мира к уничтожению христианских государств»⁷⁰. Или еще лучше: «Экскремент вывороченных мозгов жида Карла Маркса разбудил дремавшие низменные инстинкты несчастных гоев на радость жидам ... стал средством внутреннего душевного разложения арийцев»⁷¹. Гитлеру нужен был тезис, способный объединить все консервативные силы Германии так же, как и все фракции его собственной партии. Вот почему в его руках средневековый бред Бостунича станет инструментом мощного пропагандистского наступления на ценности современной цивилизации. И обойдется он в конечном счете человечеству в шестьдесят миллионов жизней. Следует, однако, и Бостуничу отдать должное. Разыгралась мировая трагедия действительно в ближайшее после выхода его книги десятилетие.

Эсхатология истерика

Но самая любопытная фигура в этой компании бешеных пророков все же не Бостунич, а Ю.М. Одинзгоев. Любопытен он прежде всего тем, что мы ровно ничего о нем не знаем – ни года и места издания его книги, ни даже настоящего его имени. По какой-то причине человек этот не пожелал открыться ни современникам, ни потомкам. (Может быть, кто-нибудь из читателей окажется счастливей меня и разгадает эту тайну). Ясно лишь, что Одинзгоев явно означает «один из гоев». Из текста следует также, что вышла его книга после поражения Врангеля в 1920-м, но до Генуэзской конференции 1922-го, следовательно, скорее всего в 1921 году. Более того, это, похоже, единственная из работ наследников выродившейся утопии, преследующая совершенно конкретную политическую цель: напугать христианско-демократические, консервативные и антисемитские круги в Европе с тем, чтобы предотвратить именно эту конференцию, на которой западным политикам предстояло впервые сесть за стол переговоров с большевиками. Поэтому

⁶⁹ О русских в СС: Жуков Д., Ковтун И. Русские эсэсовцы. М., 2010.

⁷⁰ Бостунич. Масонство ... С. 141.

⁷¹ Там же. С. 140.

Одинзгоев, в отличие от Маркова и Бостунича, обращен не в прошлое, а в будущее. Его пророчество можно, пожалуй, назвать эсхатологической истерикой. Опирается автор совершенно очевидно на еще одно знаменитое пророчество К.Н. Леонтьева, вынесенное в эпиграф этой статьи (приправленное, разумеется, рутинной в этом славянофильском поколении истерической антисемитской риторикой). Да, утверждает Одинзгоев, антихрист родился. И, как предсказал Леонтьев, родился в России, которая и стала соответственно его плацдармом в сердце Европы – накануне финального штурма истерзанного войной континента. И означает его рождение предвестие Апокалипсиса.

Что русская революция есть «действие антихриста в лице Израиля», – пишет Одинзгоев, – «не подлежит ни малейшему сомнению, как не подлежит сомнению и грядущее жесточайшее отрезвление после воцарения антихриста в лице Всемирного Деспота из Дома Давидова, предсказанного нам Апокалипсисом и явно ныне подготавливаемого к выступлению на сцену иудо-масонами, при всемерной поддержке и пособничестве "христианских" правительств, на 3/4 состоящих из представителей "избранного народа" и его наймитов-христиан, ставленников франкмасонско-жидовского тайного союза!»⁷². Узнаете стиль Михаила Назарова? Как же они все-таки однообразны, все эти пророки. И как легко угадать, что будет дальше...

Дальше речь пойдет само собой уже не о России, но о мире, «так как буквально нет ни одного государства, где за спиной официальных представителей власти не скрывались бы жидаы, истинные руководители международной политики и вдохновители интернационального социалистического войска, в лице представителей всех без исключения социалистических партий и рабочего класса – орудия франкмасонско-жидовских властителей»⁷³. За этим следует скорее поток сознания с бесконечными повторениями одного и того же. Очень похоже на речи Гитлера. Вот послушайте: «Европе уготован тот же путь... Час расплаты за безумную податливость извергам рода человеческого приближается, и обманутые собственными вождями народы на собственном опыте не замедлят убедиться в уготованном им кошмарном грядущем в социалистически-большевистском эдеме, под властью еврейского Совнаркома, не замедляющего, без сомнения, выявить свою истинную сущность человеконенавистнического и антихристианского сверхправительства, стремящегося всех привести к одному знаменателю, обратив в рабов "избранного народа" и его царя-деспота сионской крови. Катастрофа близка, при дверях»⁷⁴. Станным образом неотразимо напоминает это исступленное заклинание уже цитированный нами прогноз, сделанный полстолетия спустя (разумеется, без совершенно уже в ту пору неуместной антисемитской орнаментировки). Помните, «коммунисты везде уже на подходе – и в Западной Европе и в Америке.

⁷² Одинзгоев Ю.М. В дни царства Антихриста: Сумерки христианства. С. 219.

⁷³ Там же. С. 225.

⁷⁴ Там же. С. 213, 207.

И все сегодняшние дальние зрители скоро все увидят не по телевизору и тогда поймут на себе – но уже в проглоченном состоянии»⁷⁵?

Впрочем, разве и в наши дни не предупреждают новые пророки – все с той же одинзгоевской уверенностью, – что «на подходе» НАТО и кошмарные цветные революции, вдохновленные и «проплаченные» Америкой. В 1920-е, однако, роль Америки во всем этом ужасе оставалась совершенно неясной. Ни Марков, ни Бостунич, ни даже Одинзгоев её даже не упомянули. Секрет, похоже, прост. Сверхдержавой была тогда Англия, она и присутствовала в этих диатрибах в качестве, естественно, «подлейшей из стран мира». Америка была ни при чем. Вот это непростительное упущение постреволюционных бешеных пророков и пытаются восполнить сегодняшние одинзгоевы. Как бы то ни было, в том, как спасти мир от наступающего Апокалипсиса, постреволюционные пророки легкомысленно соглашались с Бостуничем, что «наступление остановит только восстановление законной монархии в России. Заминка, которая произойдет в жидовских рядах в этот момент, будет началом их отхода с передовых позиций, а там мы спасем гнилую Европу (хотя и не следовало бы этого делать). Спасем просто потому, что этим мы себя навеки обезопасим от повторения жидовского нашествия»⁷⁶.

Что мы знаем и чего мы не знаем

Легко вообразить, что ответил бы Федотов на доводы оппонентов, которые мы только что цитировали. То же самое, вероятно, что ответили бы, будь они живы, декабрист Никита Муравьев или философ Владимир Соловьев: давайте разберемся, что мы знаем, а чего не знаем. Мы знаем, например, что победа большевистского правительства Ленина-Троцкого в октябре 1917-го и впрямь была для России великим несчастьем. Но мы не знаем – и, слава богу, никогда уже не узнаем – меньшим или большим несчастьем была бы для нее победа правительства, скажем, Маркова-Пуришкевича. Разве сумело бы оно без жесточайшего террора подавить крестьянскую пугачевщину и вернуть землю помещикам? Разве мыслимо было для него без железной диктатуры сохранить единую и неделимую, когда побежали от нее, как от чумы, этнические меньшинства? Разве удалось бы им «спасти гнилую Европу от повторения жидовского нашествия», не объявив ей, подобно Николаю I, войну – крестовый поход? Разве смогли бы они без газовых камер осуществить «окончательное решение еврейского вопроса» или, выражаясь языком Бостунича, «отрубить хвост жидо-масонскому Змию» в России, а тем более в мире?

⁷⁵ Вече. № 5. 1982. С. 12.

⁷⁶ Бостунич. Масонство ... С. 125.

Не знаем мы, другими словами, чем отличалось бы правительство Маркова от фашистского. Ведь не случайно же Бостунич так высоко продвинулся в иерархии СС. И не случайно так горько оплакивал Марков – и уже в наши дни Кожинов – Черную сотню, которая была в конце концов не более, чем «русским изданием национал-социализма»⁷⁷. А в том, что победи эти люди, «не Струве, а Марков будет править Россией именем царя»⁷⁸, и что именно поэтому «монархия из нейтральной политической формы становится огромной политической опасностью для России»⁷⁹, не было у Федотова никаких сомнений. Короче говоря, если и по сию пору не знаем мы ровно ничего ни о «франкмасонско-жидовском тайном союзе», ни о «политическом плане, составленном царем Соломоном», ни тем более о падшем ангеле Сатанаиле-Деннице, которых звали в свидетели цитированные выше пророки, то ведь очень хорошо мы знаем, что нес России и Европе фашизм. А именно – рабство и смерть. И как же в таком случае назвать тех, кто с ним по собственной воле и с большим даже, как мы видели, энтузиазмом сотрудничал?

Никаких других комментариев и не требовалось бы, собственно, к их безумным иеремиадам, когда б не жестокий факт, что совершенно серьезно приходилось с ними спорить Федотову. Когда бы, иначе говоря, не жила значительная часть русской эмиграции идеей смены «одного тоталитаризма другим»⁸⁰. «Многие скажут: фашизм придет на смену сталинизму и это уже огромный шаг вперед»⁸¹. Он отвечал, что «сталинизм есть одна из форм фашизма, так что этот исход равнозначен укреплению выдыхающегося фашизма с обновлением его идеологии»⁸². Или что «фашистский проект представляется наиболее утопическим и вредным вариантом русской диктатуры»⁸³.

Но о чем же еще могло свидетельствовать мнение этих «многих», предпочитавших тогда фашизм, если не о том, что агония бешеного национализма, которую мы здесь наблюдали, отражала вовсе не безумие нескольких осатаневших идеологов, но была явлением важным, массовым, отражавшим, по выражению Владимира Варшавского, «дух времени – могучее притяжение фашистской революции»⁸⁴? Вот же еще почему так страшно и трудно агонизировало в 1920-е русское средневековье. Это мы знаем. Чего мы не знаем, это действительно ли ушло оно уже в небытие вместе с поколением Маркова и Бостунича. Или усилия Кожинова с Назаровым сулят ему еще одну – на этот раз последнюю – вспышку. Как бы то ни было, одно знаем мы, я думаю, теперь точно. Не дай нам Бог увидеть когда-нибудь у власти в России людей, подобных героям этой главы.

⁷⁷ Laqueur. *Russia and Germany ...* . P. 125.

⁷⁸ Федотов. *Судьба и грехи России*.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Т. 2. С. 197.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Федотов. *Судьба и грехи России*.

⁸⁴ Варшавский. *Незамеченное поколение*. С. 57.

При чем здесь «нечистая сила»?

Остается еще, однако, вопрос о происхождении Катастрофы. Марков, как мы слышали, полагал, что «темная сила погубила Российскую империю». Бостунич уверял нас – и свое эсэсовское начальство – что Катастрофа, «как по нотам была разыграна по планам интернационального воинствующего жидовства и является осуществлением его заветной мечты – поработить весь мир, а нас, христиан, сделать своими рабами». Ю.М. Одинзгоев, а в наши дни Назаров, приплели сюда еще и «антихриста в лице Всемирного деспота из дома Давидова». Логично предположить, что Федотов ответил бы на все это так же, как знаменитый астроном Лаплас на вопрос Наполеона о существовании Бога: «Мне в моих занятиях не случалось нуждаться в такой гипотезе».

При чём здесь в самом деле антихрист или интернациональное жидовство, если «наша великолепная реакция – даже в Достоевском и Леонтьеве – всегда не-сла в себе разлагающее зерно морального порока»⁸⁵? Если «для Польши Россия действительно была тюрьмой, для евреев гетто»⁸⁶? Если на первые же признаки пробуждения национального самосознания в этнических меньшинствах империи «русские националисты... ответили травлей инородцев, издевательством над украинцами, еврейскими погромами», и «два последних императора, ученики и жертвы реакционного славянофильства, игнорируя имперский стиль России, рубили его под корень»⁸⁷? Если подавляющая масса населения страны, ее крестьянство, было не только ограблено в ходе Великой реформы, но и вообще обитало совсем не в том измерении, не в той, можно сказать, реальности, что ее культурная элита? Если имперская бюрократия до последнего вздоха свято верила архаическим славянофильским мифам о «славянском братстве» и Царьграде и понятия не имела, чем дышит ее собственный народ? Ну какое, спрашивается, могла иметь ко всему этому отношение нечистая сила? Вот что действительно имело к этому отношение: в отличие от всех других великих европейских держав, кроме Германии, русская политическая элита не сумела создать защитные механизмы, предохраняющие страну от национальных катастроф.

Именно поэтому, когда в воздухе запахло грозой, не оказалось в России ни гарантий от произвола власти, ни сильных и пользующихся доверием общества институтов, воплощающих эти гарантии, ни идей, способных мобилизовать культурную элиту на защиту гибнущей страны. Не мифические происки антихриста предотвратили в России формирование этих гарантий и защитных механизмов, а вполне реальное сопротивление самодержавия политической модернизации. И объяснялось его сопротивление вовсе не одними лишь помещичьими классовыми интересами, как нас учили, но вполне определенной совокупностью идей, ко-

⁸⁵ Федотов. Судьба и грехи России.

⁸⁶ Там же. Т. 2. С. 319.

⁸⁷ Там же. С. 322.

торыми это самодержавие жило и дышало. Ядром этой роковой для страны идеологии было, как мы видели в двух последних томах трилогии *Россия и Европа. 1462-1921*, то самое карамзинско-уваровское представление о внеевропейской «самобытности» отечественной культуры. Между тем «национальная культура», – объяснил нам Федотов, – «не есть завещанный предками мертвый капитал, а живая творческая сила, создающая новое, еще небывалое, еще не расцененное ... Национальная душа не дана в истории. Нация не дерево и не животное, которое в семени несет в себе все свои возможности. Нацию лучше сравнить с музыкальным или поэтическим произведением, в котором первые такты или строки вовсе не обязательно выражают главную тему. Эта тема иногда раскрывается лишь в конце»⁸⁸.

Другое дело – и в этом главная ценность реакции бешеных, в которой я так подробно пытался разобраться в трилогии *Россия и Европа. 1462-1921*, – что в их фантазмагорических гипотезах о происхождении Катастрофы, отразилась, как в капле воды, средневековая природа этого карамзинско-уваровского консервативного мифа, в той или иной форме управлявшего умами русской культурной элиты на протяжении почти двух столетий. Вот почему, когда настал грозный час расплаты, оказалось, что просто неспособны прямые наследники этого мифа ответить на Катастрофу ничем, кроме эсхатологической истерики, кроме беспомощной – и нелепой в современном мире – ссылки на нечистую силу. Да еще, конечно, тем, что нашли себе новое отечество в идущей к новому взрыву средневековья Германии, которую сами не так уж и давно проклинали как «главного врага и смутьяна среди остального белого человечества».

И поскольку не суждено им было «спасти гнилую Европу» от грозившего ей, по их убеждению, Всемирного деспота из дома Давидова, единственная оставшаяся им практическая функция состояла в том, чтобы помочь Гитлеру добиться победы в Германии, натравить его на «франкомасонско-жидовских властителей Европы» – и на свою бывшую родину. Обагрив при этом руки кровью народа, в любви к которому клялись они со всех амвонов. Как, подумайте, трагично, что именно этой жалкой в своей средневековой ярости когортой, единственным аргументом которой оказалась, как мы видели, нечистая сила, завершилось первое столетие благородной, но безнадежно утопической попытки русского национал-либерализма спасти Европу и Россию от исторической катастрофы. Они стали орудием этой катастрофы.

⁸⁸ Там же. С. 181.

Предчувствия

Так же, как его учитель, предчувствовал Федотов, что «крушение русского средневековья будет особенно бурно и разрушительно»⁸⁹. И так же, как Соловьеву, не дано ему было дожить до дня, когда крушение это и впрямь началось. Мне хотелось, чтоб читатель увидел нарисованную в трилогии *Россия и Европа. 1462-1921* документальную картину трагического торжества средневекового мифа в России – от его затерявшегося в древних летописях иосифлянского начала в 1480-е (вспомните хоть свирепый поход против «жидовствующих») до промелькнувшего сейчас перед нашими глазами совершенно прозрачного при всей его умопомрачительности полуфинала в 1920-е (пылавшего, как мы видели, ненавистью ко все тем же «жидовствующим») – не только как печальный исторический урок, но и как подхваченную эстафету. Просто потому, что были у меня, как знает читатель, предшественники в этой четырехвековой борьбе против русского средневековья. Их судьба сложилась плохо, чтоб не сказать трагически. Их предостережений не услышали, не поняли. Да и чувствовали они, что не удивительно, по разному. Затянулось дело: четыре столетия – длинный перегон. Объединяло их всех, начиная от Михаила Салтыкова и до Георгия Федотова, собственно, одно лишь горькое прозрение, точно сформулированное Соловьевым. На простом русском языке звучало оно так: «Россия больна» и «недуг наш нравственный»⁹⁰. На сегодняшнем ученом жаргоне равносильно это, наверное, утверждению, что насильственно лишенная политической модернизации, одержимая навязанной ей искусственной неевропейской «самобытностью» страна обречена быть неконкурентоспособной в современном мире. А поскольку большинство российской публики этого прозрения не услышало, дурные предчувствия были, согласитесь, естественны.

Например, Никита Муравьев, который со своим проектом конституции поднял грандиозную проблему воссоединения страны, был, несмотря на опьяняющие романтические настроения декабристской эпохи, человеком трезвым. Живи он в другие времена и в другой стране, быть бы ему, вероятно, тонким и проницательным лидером политической партии. В России начала XIX века ему пришлось стать заговорщиком, идеологом военного пронунциамента. Так ведь и Чаадаев, объявленный в Петербурге сумасшедшим, как слышали мы от Пушкина, в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес... Как сказал жандармский генерал Леонтий Дубельт выдворяемому из Петербурга Герцену в том самом году, когда Муравьев умирал на каторге в Сибири: «У нас не то, что во Франции, где правительство на ножах с партиями, где его таскают в грязи, у нас управление отеческое»⁹¹. Вот Муравьев и предчувствовал, что, если болезнь «отеческого управления» (по ла-

⁸⁹ Там же. С. 183.

⁹⁰ Соловьев В.С. Сочинения. В 2 тт. Т. 1. С. 396.

⁹¹ Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1947. С. 238.

тыни патернализм) срочно не излечить, бедствия из этого проистекут для отечества неисчислимы. И лекарством полагал он конституцию.

Соловьев, в отличие от него, был мыслителем, доктором философии. И жил он в постниколаевской славянофильской России. Ему было уже вполне понятно, что болезнь зашла куда глубже государственного патернализма, проникла в самые интимные ткани общества. Он предчувствовал смертельную опасность нового сверхдержавного соблазна и пытался погасить пока не поздно воинственные настроения «национально-ориентированной» публики, яростно полемизируя с их глашатаями. Федотов пришел уже после конца. Вокруг него бушевало море эмигрантской ненависти и эсхатологической истерики, эскиз которой попытался я набросать в этой статье. Зрелище было жуткое: эмигранты – несчастные, обездоленные, перебивавшиеся в чужих странах случайными заработками, и все-таки неутомимо строившие планы грандиозного и непременно сверхдержавного реванша. Георгий Петрович предчувствовал, что все это – и государственный патернализм, и националистический миф, и идея «смены одного тоталитаризма другим», и апелляции к нечистой силе – опять воскреснет в стране после распада СССР, только в масштабах гигантских, национальных, чреватых новым, на этот раз, быть может, окончательным, самоуничтожением России. Во всяком случае предвидел он, как мы помним, что «когда пройдет революционный и контрреволюционный шок, вся проблематика русской мысли будет стоять попрежнему перед новыми поколениями»⁹².

А это между прочим означало, что и «после большевиков» не уйти будет новым поколениям от старого славянофильского мифа, который однажды – у него на глазах – уже погубил Россию. Более того, опасался Федотов, что как раз когда откроются все шлюзы и гигантская волна дореволюционной и эмигрантской мысли, со всеми ее губительными иллюзиями и зловещими пророчествами, захлестнет страну, неподготовленные умы окажутся бессильны сохранить от этого истине библейского потопа главную для него – декабристскую, муравьевско-соловьевскую – тему. И мощная славянофильская нота о «силе и призвании России» опять заглушит для новых поколений тему ее «болезни».

Тем более, что ни минуты не сомневался Федотов: окончательное крушение русского средневековья будет эпохой трагической. «Нет решительно никаких оснований», – повторял он, – «представлять себе первый день России после большевиков как розовую зарю новой свободной жизни. Утро, которое займется над Россией после кошмарной ночи, будет скорее то туманное "седое утро", которое пророчил умирающий Блок... После мечты о мировой гегемонии, о завоевании планетных миров, о физиологическом бессмертии, о земном рае – [оказаться] у разбитого корыта бедности, отсталости, рабства, может быть, национального унижения... Седое утро»⁹³.

⁹² Федотов. Судьба и грехи России.

⁹³ Там же. Т. 2. С. 198.

И со всей неизбежной при крушении вековой империи грязью и кровью, с предательством наивного и не понимающего, с чем он имеет дело Запада, со всепроникающей коррупцией и невыносимым чувством национального унижения неминуемо вдохнет это «седое утро» новую жизнь в старые мифы. И может случиться так, что даже величайшее из достижений советского инобытия Московии, победа – в союзе с Западом – над фашизмом, окажется, как и констатировала много лет спустя одна из колеровских «производителей смыслов» Екатерина Дёготь, лишь «реминисценцией глубинной нелюбви к Западу. Потому что на протяжении многих поколений это подавалось как победа не просто над фашизмом, а именно над Западом. Для значительной части населения Запад – это общий враг, который еще со времен Никейского собора сумел нас облапошить и выбрать какой-то более выгодный исторический путь развития. А мы, с нашей глубиной и достоинствами, оказались в ж...»⁹⁴. Да и могло ли случиться иначе, покуда попрежнему господствует над умами все тот же карамзинско-уваровский консервативный миф внеевропейской «самобытности» отечественной культуры? Разве не он сокрушил в 1917-м Россию? И разве не был он снова на устах путчистов в августе 1991-го? Такой ли уж фантазией звучит после этого другое – вполне федотовское – предсказание Екатерины Дёготь, что «борьба с тем фашизмом, к несчастью, может стать знаменем нового фашизма в России»⁹⁵?

По всем этим причинам предчувствия Георгия Петровича были, если угодно, еще трагичнее, еще безнадежнее соловьевских. Больше всего, впрочем, опасался он как раз того, что произошло в сербской мини-империи, известной под именем Югославии. Того, что «в общем неизбежном хаосе... произойдет гражданская война приблизительно равных половин бывшей России. Если даже победит Великобритания и силой удержит при себе народы империи, ее торжество может быть только временным. В современном мире нет места Австро-Венгриям... Ликвидация последней империи станет вопросом международного права и справедливости»⁹⁶. Страшен сон да милостив Бог. Пронесло. Навсегда ли, однако? Кто знает, кончилась ли уже для России эпоха крушения средневековья, принеся Югославии море человеческих страданий и неисчерпаемую, похоже, взаимную ненависть народов бывшей империи? «Большевизм умрет, как умер национал-социализм», – говорил в конце 1940-х Федотов, – «но кто знает, какие новые формы примет русский ... национализм?»⁹⁷.

Общественная реакция на путинский «поворот на Запад» после 11 сентября 2001 года свидетельствовала, что не зря мучила Федотова как ученика Соловьева эта жестокая дилемма. Вот как сформулировала её два поколения спустя, уже в мае 2002 года, московская газета *Аргументы и факты*: «Одни говорят, что Россия стала колоссом на глиняных ногах... Но есть и другое мнение: страна затаи-

⁹⁴ Цит. по: Колеров М. Новый режим. М., 2001. С. 99.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 326.

⁹⁷ Там же. С. 325.

лась и копит силы для перехода в новое качество – геополитического и экономического лидера если не всего мира, то уж Европы точно»⁹⁸. При всей неряшливости этой журналистской формулировки смысл вопроса прозрачен: окончательно ли признала себя в 2001 году Россия устами Путина одной из великих европейских держав или поворот её, как и в 1860-е, был лишь тактическим маневром, не миром, а перемирием? Покуда у руля страны последнее советское поколение, да еще и выпестованное Андроповым, окончательного ответа на этот роковой вопрос мы не получим. Тем более что, как и в роковое десятилетие Великой реформы, попрежнему опасно слаба в стране европейская, декабристская традиция. К чести России, однако, традиция эта никогда в ней не умирала, даже посреди эмигрантской ненависти и эсхатологической истерики. Именно тогда, в самую мрачную пору позднего сталинизма в начале 1950-х и писал ведь Владимир Вейдле: «Задача России заключается в том, чтобы стать частью Европы, не просто к ней примкнуть, а разделить её судьбу»⁹⁹. Увы, голосу его суждено было остаться, как и голосам его предшественников, одиноким воплем в пустыне.

Нет сомнения, сталинская эпоха была для Вейдле, как и для Федотова, чем-то вроде нового татарского ига, поставившего страну на колени. С порога отвергали они «официальное советское мировоззрение, [которое] проистекает из малограмотного западничества, приправленного дешевым славянофильством»¹⁰⁰. Но свято верили, что вновь «не отатарится» Россия. И обосновывали свою веру в её европейскую судьбу тем, что ведь «и древняя Русь не отатарилась, от европейского наследства не отреклась и кончилась Петром, прорубившим окно не куда-нибудь в Мекку или в Лхассу»¹⁰¹. Более того, уже тогда, когда и просвета не было видно в тучах, убеждали они Европу, что «лишаясь России, она теряет источник обновления, лишается единственной страны, своей отсталостью способной её омолодить, самой своей чуждостью напитать, потому что эта чуждость не такая уж чужая, потому что эта отсталость может ей напомнить её собственную молодость»¹⁰².

Всё это очень глубоко и серьёзно, хотя эхо славянофильских грёз слышно и здесь (как, впрочем, и у всех постдекабристских западников). И всё-таки ярче чего бы то ни было свидетельствует исповедь Вейдле, что пережила декабристская традиция России и Катастрофу, и сталинизм, и эмиграцию. Это правда, не спасла она страну в пору решающей – и последней в дореволюционной России – патриотической истерии 1908-1914 годов. Не только потому, однако, что оказалась несопоставима с мощью сверхдержавного соблазна и средневекового мифа, гласившего, что «Россия не может идти ни по одному из путей, приемлемых для других цивилизаций и народов». Не спасла европейская традиция страну в 1917-

⁹⁸ Аргументы и факты. 2000. № 18-19. Май.

⁹⁹ Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956. С. 12.

¹⁰⁰ Там же. С. 14.

¹⁰¹ Там же. С. 12.

¹⁰² Там же. С. 37.

м еще и потому, что стояло тогда за плечами рушившейся петровской России другое, допетровское «мужицкое царство». Только оно и сделало возможной реставрацию московитской империи на развалинах петровской. Ничего похожего не стояло – и не стоит – за плечами разрушенной второй империи. И по этой причине путь реставрации ей заказан. Навсегда. Знаменитая деревенская литература, оплакавшая исчезновение «мужицкого царства» еще в 1970-е, самое красноречивое этому свидетельство. Приходится признать, что великого Немого, на протяжении полтора столетий вдохновлявшего консервативный миф, больше нет.

Вот почему шансы европейской традиции в XXI веке, едва сойдет с политической сцены последнее советское поколение, несопоставимо выше, чем в начале – и даже в конце – XX. Бесспорно, вера в сакральность верховной власти, возрожденная при Сталине, все еще работает. Но и ей нанес жестокий удар Путин своим уходом с президентского поста в 2008 году. Если я прав, царская отставка неминуемо приведет к мощному сдвигу в сознании – и даже в подсознании – городской России (и символом ее станет разброд и шатание в рядах экзальтированных «Наших»). Бесспорно и то, что историческая драма патриотизма/национализма, та самая, что привела к кровавой бане в Югославии, продолжает зловеще бурлить и в российском подсознании (и опять, как во времена *Vex*, глуха к ней близорукая элита, по прежнему поглощенная мутной пеной повседневных политических баталий). Всё верно. Только вот почва для возрождения старинного консервативного мифа «искусственной самобытности» стремительно размывается. И потому предчувствия, которые мучат меня так же, как терзали они моих предшественников, неизмеримо оптимистичнее. В отличие от них, я уверен в победе европейской традиции России. Другое дело, сколько времени это займет и сколько страданий – и тяжелых депрессий – еще принесет этот мучительно медленный исторический процесс распада консервативного мифа бедной русской интеллигенции. Конечно, я хочу, чтобы этих страданий было меньше. И потому выбираю другой путь.

Другой путь

Предшественники мои видели лекарство от болезни в обращении к здравому смыслу своих читателей. Федотов, в частности, призывал их понять, что «для самой России насильственное продолжение имперского бытия означало бы потерю надежды на ее собственную свободу... Как при московских царях самодержавие было ценой, уплаченной за экспансию, так фашизм является единственным строем, способным продлить существование каторжной империи»¹⁰³. И потому, убеждал он их, «потеря империи есть нравственное очищение, освобождение рус-

¹⁰³ Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 326.

ской культуры от страшного бремени, искажающего ее духовный облик»¹⁰⁴. Ибо «ненависть к чужому – не любовь к своему – составляет главный пафос современного национализма»¹⁰⁵.

Так же, как в случае Соловьева и Вейдле, всё это замечательно глубокие и серьезные аргументы, но... Но они не сработали. Вот почему не хотел я ограничиться аргументами. Хотел показать читателю, как происходила и почему никогда не прекращалась в России непримиримая борьба ее европейской и патерналистской традиций. Акт за актом развернуть перед ним картину этой затянувшейся на четыре столетия драмы. Явственно должно перед ним вырисоваться в трилогии *Россия и Европа. 1462-1921* и то, как все это начиналось – в XV веке, на самой заре русской государственности, в беспощадной схватке между иосифлянами и нестяжателями. И то, как принесла победа иосифлян стране крестьянское рабство и тотальный террор в веке XVI. И то, как торжествовал в ней над Ньютоном Кузьма Индикоплов в Московитском столетии, институционализируя и тем самым увековечивая эту роковую победу. И то, как разворачивая страну в сторону Европы и уничтожив православный фундаментализм Московии, углубил в то же время Петр пропасть между двумя Россиями, разверзшуюся еще при Иване Грозном. И то, как прахом пошли в Новое время все попытки воссоединить страну – от Сперанского и декабристов до Витте и Столыпина. И то, наконец, почему пошли они прахом: карамзинско-уваровский консервативный миф внеевропейской «самобытности» России оказался сильнее здравого смысла. Все остальное было предсказуемо. И «последняя война», о которой пророчествовал Соловьев. И эсхатологическая истерика её инициаторов, пытавшихся свалить свое злодеяние на чужие плечи. И растерянность вполне вроде бы либеральной, западнической публики, которую тот же консервативный миф превратил, едва оказалась она его пленницей, в смертельный инструмент «разрушения цивилизации», по известному выражению Гейне.

Я не знаю сработает ли картина там, где спасовали аргументы. Не знаю даже, действительно ли предстала со страниц трилогии *Россия и Европа. 1462-1921* перед читателем картина, которую я пытался нарисовать. Об этом судить читателю. Единственное, что я могу сказать в ее оправдание, это что я старался и вложил в эту картину полжизни. В любом случае, однако, смысл ее совершенно ясен. Это совсем другая история, не та, которой учили читателя в советской школе и не та, которой учат сегодня в российских и западных университетах. Из этой истории следует: всё, что происходит сейчас в идейной жизни России, уже с нами было. Только в отличие от своих предшественников, пытаюсь я воевать с общим и Муравьеву и Соловьеву и Федотову предчувствием, обращаясь не столько к его, читателя, рефлексии, сколько к естественному человеческому желанию не дать одурочить себя снова.

¹⁰⁴ Там же. С. 327.

¹⁰⁵ Там же. С. 249.